

Ильшат Саатов*

МУСУЛЬМАНСКОЕ ИСЛАМОВЕДЕНИЕ: МЕЖДУ КАФЕДРОЙ И МИНБАРОМ

Последние два десятилетия развития гуманитарной науки в России естественным образом привели и к развитию исламоведения. Об этом, в частности, говорит появление различных исламоведческих центров. Что касается Казани, то здесь, кроме исламских высших учебных заведений появились Центр исламоведческих исследований при Академии наук Татарстана [1], открылась кафедра регионоведения и исламоведения в Казанском федеральном университете [2], ранее к названию отдела общественной мысли в Институте истории АН РТ было добавлено “и исламоведения”, тем самым была подчеркнута значимость этой области исследований. В других субъектах РФ этот процесс также идет, скажем, полпред Президента РФ на Северном Кавказе сказал о новом Северно-Кавказском федеральном университете, что он будет иметь исламоведческий профиль [3].

Изучение ислама России, впрочем, как и для всего мира имеет весьма серьезные обоснования. Во-первых, это проблема международного терроризма, который часто преподносят как “исламский”, хотя крупные мусульманские ученые однозначно выводят террористов за рамки ислама [см, например, 4]. В любом случае, выяснение корней терроризма и его отношению к исламу – дело ученых-исламоведов, в том числе.

Во-вторых, глобализация привела к тому, что мусульмане расселились по всему миру, и составляют многочисленные диаспоры в разных “нетипичных” для них странах – от Австралии до Германии. Ассимиляция, интеграция, мультикультурализм – лишь некоторые темы, которые сейчас актуальны как никогда. Без изучения культуры, религии, идеологии этих общин решение проблем сосуществования невозможно. Что касается России, то здесь ислам появился даже раньше христианства, и мусульмане – коренные жители страны. Что, однако, не снимает вопросов о мире и согласии между представителями разных конфессий. По мнению одного из самых авторитетных исламоведов России Станислава Михайловича Прозорова, “игнорирование “исламского фактора” в выработке и проведении внешней и внутренней политики России чревато тяжкими последствиями для населения страны.” [5]

В Татарстане же почти полное отсутствие таких проблем, наоборот, представляет очень серьезный научный интерес – насколько этот опыт можно обобщить и тиражировать в других регионах страны и мира? Без исламоведов невозможно обойтись в выработке “татарстанской формулы диалога”.

В-третьих, исторический опыт мусульманских стран и общин во многих аспектах жизнедеятельности общества может дать ответы на современные вызовы – от искоренения наркомании до семейных отношений.

Ну и в-четвертых (ограничимся на данный момент этим), отметим, что без серьезного изучения ислама и мусульманских сообществ нельзя понять многие процессы, которые происходят на Ближнем Востоке и Магрибе [6]. Специфика региона диктует необходимость выработки новой политологической методологии, поскольку существующие (по преимуществу, западные) оказываются бессильны описать ситуацию и тем более не в состоянии сделать какие-то прогнозы.

Таким образом, роль исламоведения в нынешнее время сложно переоценить. Назрел вопрос определения и классификации различных подходов к изучению ислама, равно как и специалистов, этим занимающихся. Особенно актуальным это является в связи с появлением целого ряда псевдоученых, называющих себя “исламоведами” [7], на деле же, видимо, являющихся частью пиар-кампании, направленной против мусульман.

Исламоведение и востоковедение, в целом, до последнего времени - европоцентричные науки по своему субъекту исследования, появились ввиду колониальных и миссионерских нужд Запада. Их основным предназначением был прикладной характер – как пишет один из известнейших

ученых современности Эдвард Саид, ориентализм – это дисциплина, “при помощи которой европейская культура могла управлять Востоком—даже производить его—политически, социологически, идеологически, военными научным образом и даже имажинативно в период после эпохи Просвещения.” [8, С.10] То есть Западу изучать Восток нужно было ровно в той степени, в какой им можно было управлять. Точно такие же слова можно сказать и об исламоведении, фактически являвшегося составляющей частью востоковедения. “Западная «исламология», отпочковавшаяся как светская научная дисциплина от полемического направления христианской теологии, ... в огромной массе своих работ относится к исламу как к чужой религии.” [9]

Другим подходом стал вульгарный материализм, который априори к любой религии относился как к социальному феномену, обусловленному экономическим базисом.

В нынешнее же время как на Западе, так и в России происходит переоценка методов исламоведения, как и отношения к исламу в целом. В англосаксонской терминологии понемногу стандартизируется два основных термина - Islamic Studies и Studies of Islam, исламские исследования (имеющий оттенок «исламизации знания»[10]), и собственно (как бы «отстраненное») изучение ислама.

Что касается другой стороны “баррикад”, то есть ученых-мусульман, то здесь находится, в первую очередь, исламское богословие, воспринимающие ислам как Божественный дар и призванное выработать “правильное мировоззрение” у мусульман. Соответственно, в этой области изучались так называемые исламские науки, которые имели непосредственное отношение либо к исламскому вероубеждению, либо к мусульманскому праву, либо к

методологии личностного самосовершенствования. Арабо-мусульманская философия, или восточная перипатетика, внесла свой вклад, в том числе, во внесение методов формальной логики в исламские исследования. Не ограничившись собственно богословием, мусульманские ученые ушли в средние века далеко вперед по сравнению с Европой в точных науках – алгебре, астрономии, медицине и т.д., но это уже выходит за условные рамки “исламоведения”.

Фактически, различные исследования имели один объект – ислам и мусульмане, но предмет у всех был разный. То есть, скажем, марксизм рассматривал его исключительно через призму производственно-экономических отношений – все достижения ислама, судя по этому подходу, были вызваны определенным экономическим базисом и продиктованы естественной эволюцией общественных отношений. Западный “миссионерский” подход смотрел на ислам, вернее, даже реконструировал его образ так, что ключевыми моментами становились методы управления, ассимилирования и отличия. Этот подход также предполагал рассмотрение ислама по аналогии с христианством, которое не было так всепроникающее и не пронизывало собой весь образ жизни людей. Собственно, отсюда деление на светскость и религиозность на постхристианском Западе. В исламе же в принципе не может быть такого деления, поскольку термин “дин”, переводимый чаще как “религия” [11, С.22], имеет непосредственное отношение к “фитр”, сущности человека. Это предполагает природную склонность человека к исламу, ислам в качестве естественного состояния человека [12, С.52-53], а божественные откровения трактуются как кодекс божественных законов [13, С.28], инструкция ко всей жизни чело-

века, включая самые мелкие детали.

Для обобщения подходов к изучению ислама мы предлагаем классифицировать их по двум критериям:

Гносеологический, по количеству источников познания. А) Познание возможно только посредством восприятия: через человеческие чувства, их обработку, анализ данных, и т.д. Б) Кроме восприятия, есть еще и откровение [14, С.102]. То есть, в первом случае исламоведение, которое признает Коран продуктом человеческого мозга, во-втором - исламоведение, которое признает или допускает признание Корана богооткровенным. На этом основании, на наш взгляд, вообще можно условно делить любой подход на исламский или неисламский.

“Либеральный”, по признаку толерантности к разным теориям. Есть подходы, например, богословие, которое готово признать только свою точку зрения правильной. И есть академическое российское исламоведение, которое рассматривает различные теории, сохраняя, насколько это возможно, отстраненность.

Используя эти два критерия, можно получить следующую систему координат:

В клетке №1: один источник познания – восприятие, допускается наличие других точек зрения. Это вариант классического или академического исламоведения.

В клетке №2: признается правильной одна теория, Писание определяется как человеческое творчество. Пример – вульгарный материализм.

В клетке №3: откровение признается за источник познания, признается правильной одна теория. Здесь располагается исламское богословие.

В клетке №4 располагается с одной стороны достаточно странное, но, если разобраться, точное определение данного подхода – мусульманское исламоведение. На первый взгляд тавтологичный термин используется нами для того, чтобы подчеркнуть, во-первых, признания им Корана богооткровенным, и во-вторых, допущение права других теорий на жизнь. Возможно, еще более правильным был бы термин “исламское исламоведение”, но нам больше нравится первый вариант.

По мнению ректора Московского исламского университета Марата Муртазина, с которым мы склонны согласиться, сегодня перед европейской и российской наукой встает задача развития мусульманского исламоведения. “Суть его заключается в том, чтобы изложить основные принципы ислама с точки зрения верующего человека, обращаясь при этом к широкому кругу читателей, независимо от их убеждений и отношения к религии...”. Представление об исламе должны формировать прежде всего сами мусульмане, “действительно верующие учёные и духовные лица, хорошо знающие сущность и практику религиозного учения”. [15, С.10-11]

Приведем небольшой пример из двух российских учебников по исламоведению. В одном из них, изданном в Казани, для обозначения событий из сур Корана, в том числе, используется оборот «создающим в воображении впечатление божественного покровительства Мекке» [16, С.31]. В дру-

гом, изданном в Москве, для похожего рода явления, используется, например, фраза: «Ниспослание Писания началось с повеления читать, и с тех пор стремление к знаниям и истине стало главной особенностью мусульманского вероучения» [15, С.24]. Как мы видим, подходы разительно отличаются именно в разрезе признания Корана откровением. Для авторов первого учебника это – какое-то впечатление, события в воображении, экстатические переживания. Для авторов второго - откровение. Отношение к этим подходам может быть разным, однако, на наш взгляд, они оба имеют право на существование.

Вообще любой научный подход в области гуманитарных наук обусловлен идеологической окраской исследователя, группы авторов или заказчика, привносящие в нее определенный элемент «субъективности». Кроме того, всякая наука, так или иначе, «выстраивает собственную логику, подчиняющуюся внутренним закономерностям своего развития и не совпадающую с логикой развития изучаемой ею реальности». [17, С.11] Таким образом, подходы мусульманского исламоведения могли бы существенно дополнить научную картину представлений об исламе, которая складывается в большей степени благодаря другим подходам. Если сравнить количество учебного и научного материала именно по этому критерию, то мусульманское исламоведение, конечно же, отстает как от «материализма», так и от богословия на порядки. Именно поэтому оно сейчас востребовано, особенно в области мусульманского образования.

Науке об исламе суждено, на наш взгляд, начать дрейфовать от кафедры к минбару, с одной стороны, не теряя критического подхода и не застывая в догмах, с другой – не толкуя явления

исключительно с точки зрения материализма и позитивных наук. Найдя золотую середину между этими требованиями, исследователи смогут объяснить такой феномен как ислам

наиболее точно и максимально приблизиться к познанию объекта исследования. Но, конечно, истинное знание – у Аллаха, как говорят богословы в конце своих речей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

* И. Саетов - к.полит.н., ст.преподаватель кафедры регионоведения и исламоведения Института востоковедения и международных отношений Казанского федерального университета

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. «Ректор РИУ Рафик Мухаметшин возглавил Центр исламоведческих исследований при Академии наук РТ» / «Исламский портал», 22.09.2010 / <http://www.islam-portal.ru/novosti/104/941/>
2. «В Казанском федеральном университете открыта кафедра исламоведения и регионоведения» / Татарская деловая газета «eТатар», 23.12.10 / <http://etatar.ru/top/38829>
3. «Медведев подписал указ о создании университета в СКФО» / РИА Новости, 18.07.2011 / http://ria.ru/edu_news/20110718/403577434.html
4. Ислам о терроре и акциях террористов-смертников. Сборник статей под редакцией Эргюна Чапана. – М.: «Новый свет», 2007. – 176с.
5. Заметки об исламе. С.М.Прозоров. – Исламоведение. 2011 г., №1.
6. «Мусульманский ренессанс» и исламская цивилизационная матрица. И.Алексеев / газета.ру, 4.07.11 / http://www.gazeta.ru/science/2011/07/04_a_3684597.shtml
7. Юрий Петраш: «Исламоеду» не место в науке и практике исламоведения» / Civitas, 20.03.2011 / <http://civitas.ru/article.php?por=0&code=1477&year=2011>
8. Ориентализм. Западные концепции Востока / Эдвард В. Сауд. - М.: «Русский мир», 2006. – 639с.
9. Исламоведение как научная дисциплина. А.К.Аликберов / ISLAMICA - Центр арабских и исламских исследований / <http://www.islamica.ru/islamic-studies/?uid=120>
10. Свободная энциклопедия «Википедия» / http://en.wikipedia.org/wiki/Islamic_studies
11. Экзистенциальная философия ислама (пролегомены) / А.Н.Латыпов. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 524с.
12. Введение в метафизику ислама / Сейд Мухаммад Накыб аль-Атмас. – Институт исламской цивилизации. – Москва – Куала-Лумпур, 2001. – 410с.
13. Bir müsülmanın yol haritası / Editör Ergün Çapan. – Işık yayımları, 2005. – 772s.
14. Кризис мусульманского разума. Абу Сулайман, Абд ал-Хамид / Пер. с арабского, примечания к хадисам и послесловие Э.Р.Кулиев. – Баку: Издательство «СBS», 2011. – 304 с.
15. Исламоведение. Пособие для преподавателя / Э. Р. Кулиев, М. Ф. Муртазин, Р. М. Мухаметшин и др.; общ. ред. М. Ф. Муртазин. — 2-е изд., испр. — М.: Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008. — 416 с.
16. Исламоведение. Начальный курс (с углубленным изучением истории и культуры ислама): Учеб. пособие / Юзмухаметов Р.Т., Хайрутдинов А.Г., Алмазова Л.И. – Казань: Магариф, 2008. – 336с.
17. Теория международных отношений: Учеб. пособие. / Цыганков П.А. — М.: Гардарики, 2003. — 590 с.